

¹⁵ *Pascal P.* Mon journal de Russie. P. 322.

¹⁶ *Ibid.* P. 339.

¹⁷ *Ibid.* P. 46.

¹⁸ *Ibid.* P. 46–47.

¹⁹ *Данилова О. С., Слуцкая Л. В.* Виктор Серж и Пьер Паскаль: попутчики большевизма // Виктор Серж: социалистический гуманизм против тоталитаризма: Материалы междунар. науч. конф. Москва, 29–30 сент. 2001 г. М., 2003. С. 96.

²⁰ *Фюре Ф.* Указ. соч. С. 132.

М. О. Гузикова

Интеллектуалы и власть в Веймарской республике: поиск методологических подходов

Понимание интеллектуальной истории как истории идей и их носителей достаточно традиционно. История идей, ориентированная на изучение элит, в значительной степени доминировала в европейской историографии до 1968 г.¹ В эпоху после «культурологического поворота» интеллектуальная история более не ограничивается изучением интеллектуалов, хотя особенности и определение когнитивной функции в том или ином обществе, институциональная позиция, социальная роль, а также идеи тех, кто занят специализированной интеллектуальной деятельностью, до сих пор являются объектом ее пристального внимания. Но изменения, связанные с такими многогранными и неоднозначными явлениями, как постмодерн, постструктурализм и деконструкция, требуют переосмысления постановки данной проблемы и поиска новых методологических подходов к ее решению.

Представляется, что задача интеллектуальной истории ничуть не отличается от задачи истории, исследующей то или иное событие («*histoire evenementielle*» — Ф. Бродель), а именно: исследуя текст, понятие или направление мысли, стремиться к реконструкции контекста, внутри которого тот или иной интеллектуальный феномен приобретает значение в качестве челове-

ческого действия. Особенность интеллектуальной истории состоит в том, что она изучает интеллектуальное измерение социального действия². Но прежде всего интеллектуальная история — это история интеллекта (*intellection*), латинский корень этого слова охватывает такие семы, как «смысл, значение, различение, обозначение, понимание, познание, разумение, постижение». Таким образом, интеллектуальная история изучает историю значений. В свою очередь, значение, смысл представляет собой неотъемлемое свойство любого социального действия.

В обществе в определенный период времени сосуществуют и взаимодействуют мириады смыслов. Предпринимаемая интеллектуальной историей «инвентаризация» таких смыслов, составление некоего «архива», наподобие предложенного М. Фуко в «Археологии знания»³, демонстрирует большое количество дискурсов. Каждый из этих дискурсов имеет историю своего возникновения, свою собственную логику; каждый создает поле социального действия, акторов которого объединяет именно данный дискурс. Различные дискурсы сосуществуют в обществе и пересекаются. Они гетерогенны, так как включают в себя предпосылки других дискурсов и пересекаются с ними, испытывают взаимовлияние друг друга; изменения одного дискурса могут зачастую приводит к неожиданным последствиям для другого. Иногда такие изменения приводят к необходимости заново определить наполнение всего дискурса в целом. Дискурсы представляют собой кодированные символами поля социального действия, а значит, подразумевают социальную практику, «игры разума», подверженные постоянным изменениям в соответствии с деятельностью индивидов, которые являются носителями этих дискурсов.

Необходимость возвращения к исследованию интеллектуального ландшафта веймарской Германии обусловлена тем, что на его примере можно проследить, какую роль играет интеллектуальная элита в периоды кризиса общества. Подобное исследование предполагает обращение к междисциплинарному арсеналу интеллектуальной истории — таким смежным наукам, как лингвистика, социология, политическая теория и культурология. Изучая проекты, теории и конструкты властителей умов

этого периода, содержащие видение «нового» мира, мы стремимся к пониманию истории через человека, к распознаванию уникальности конкретного периода сквозь призму людей, принявших непосредственное участие в его формировании. В более узком смысле необходимо дать дефиницию места германских интеллектуалов в ландшафте Веймарской республики, их функции в общественной системе и выявить механизм принятия политических решений.

Прежде всего, следует выделить специфические, национальные черты германской интеллектуальной элиты и дать определение понятия «германский интеллектуал» с учетом уникальности исторических условий его возникновения и функционирования. Так, пристального внимания заслуживает история становления интеллектуальной прослойки Германии, своеобразное положение немецкого «Bildungsbürgertum» («образованное бюргерство») в обществе, его отношения с правящей идеологией, а также такое малоисследованное явление, повлиявшее на его становление, как пиетизм. Каков профиль немецкого интеллектуала в эпоху «рефлексивной модернизации» (термин У. Бека⁴), характеризующейся массовизацией общества и бурным развитием технологий? Каковы профессиональные предпочтения немецкой элиты: университетские профессора, служители церкви, военные, чиновники и т. п.?

Проблематичным представляется уже определение прослойки интеллектуалов в Веймарской республике. Наделенное негативными коннотациями понятие прослойки предлагается заменить на нейтрально-археологический «стратум». В связи с этим представляется необходимым провести некую стратификацию германского общества и выделить стратум интеллектуалов. Этому стратуму присуща неоднородность, в нем можно выделить группы милитаристов, пацифистов, центристов, либералов, маргиналов и пр. Нельзя недооценивать и тот факт, что в интеллектуальном пространстве Веймара сосуществовали разные поколения интеллектуалов. Так, например, Томас Манн подвергся социализации раньше поколения сторонников «нового порядка», прошедших школу Первой мировой войны. Наследием войны стало появление такой составляющей страту-

ма интеллектуалов, как резигнирующие, консервативные фронтовики, чьи фронтовые союзы во многом были опорой противников веймарской демократии. Дискурсы отдельных групп испытывают взаимовлияние друг друга, между ними существуют медиаторы — акторы этого пространства, заслуживающие самого пристального изучения. Механизм взаимопроникновения идей можно проследить на примере Берлина второй половины 1920-х гг., где существовало тесное взаимодействие противоположных по духу лагерей, а их самые радикальные представители смыкались в своем радикализме. Пристальное внимание следует уделить разрывам и нестыковкам этого стратума. Каков механизм принятия политических решений в Веймарской республике и какую роль в нем играют интеллектуалы? Более пристального изучения заслуживают советники власть имущих — в определенном смысле «политтехнологи» прошлого, «think tanks» — и то, какую именно трансформацию претерпевают их идеи в процессе их политической имплементации.

Изучая интеллектуальную продукцию «властителей умов» веймарской Германии, мы сталкиваемся с необходимостью построения модели мышления: в данном случае идеальной представляется комплексная динамическая модель, учитывающая трансформацию идей. Так, тот же Томас Манн, занимавший во время Первой мировой войны позицию, далекую от пацифизма, к приходу нацистов к власти становится рьяным противником их политики; выбором радикальных представителей «консервативной революции», крайне правого полюса политического спектра республики, становится уход в так называемую внутреннюю эмиграцию и т. д.

Несмотря на неоднородность интеллектуального стратума, все же можно говорить о его идентичности. Исследование идентичности предполагает, кроме прочего, рассмотрение восприятия интеллектуалами своего времени, своей эпохи, которую они считали кризисной, переходной, переосмысление таких понятий, как «государство», «нация», «война» и пр. Кроме того, важным моментом является также исследование уровней соотношения теории и практики и их «система точек перехода»⁵. Значи-

тельное место в этом исследовании должна занять критическая проверка метафор интеллектуального ландшафта Веймара, например, формулы Ж. Бенды о «предательстве интеллектуалов» или тезиса о «республиканцах по убеждению» Фр. Мейнеке. Кроме того, изучение идентичности немецкого интеллектуала, его самовосприятия в качестве «властителя умов» не может не учитывать проблему становления интеллектуальных элит в эпоху «восстания масс». Одной из предварительных гипотез уже сейчас может стать констатация изломанной идентичности интеллектуалов. Вопрос о поиске идентичности, в том или ином виде возникавший во все кризисные периоды германской истории Нового времени, — очень немецкий вопрос, по своему рангу подобный русскому вопросу о роли интеллигенции.

Основными источниками такого исследования должны стать тексты «властителей умов» данного периода⁶. Анализ текстов должен проводиться с опорой на герменевтический подход и дискурсивный анализ. Однако прежде должен быть поставлен вопрос о специфичности авторского текста как исторического источника, связанный с необходимостью различения «исторической» герменевтики и литературоведческой интерпретации текста. Сопряжение культурологического и исторического подходов заставляет вновь задуматься о предмете изучения истории. Культурная антропология настаивает на том, что предметом изучения истории является уникальное событие, произошедшее в прошлом. Таким образом, встает вопрос о соотношении типичности, репрезентативности культурного опыта индивидуума и его особенности как выдающегося представителя своего времени. По свидетельству историков, историческая наука еще не нашла ответа на этот вопрос. Р. Дарнтон сказал по этому поводу: «...непонятно, почему культурная история должна избегать эксцентричности и сосредоточивать свое внимание на среднем: значения и смыслы не сводимы к средним величинам, для символов и знаков нельзя найти общий знаменатель»⁷. Требуется критическое обращение с текстовыми источниками, в которых нужно распознавать не только мимесис действительности, но и ее конструирование, не отражение, но представление реальности.

Реализуя стремление Ф. Броделя к «тотальной истории», можно воспользоваться комбинацией макро- и микроподходов, т. е. методом помещения предмета исследования в разные фреймы, добываясь большей четкости предмета путем смены контекстов. В данном случае глобальным контекстом рассматриваемой проблематики может стать фрейм эпох — кризисный период перехода (транзита) от парадигмы модерна к постмодерну. В этом фрейме прослеживается трансформация идей модерна в эпохе, которая отвергает эти идеи, признает их несостоятельными и предлагает свою альтернативу модернистской метанаррации. Другим фреймом является интимно-биографический уровень. И если интерпретация предмета исследования в более масштабной рамке по необходимости более спекулятивна, то смена угла зрения дает возможность проверки глобальных гипотез на основе подробного документирования источников, показывает эпоху в масштабе индивидуального восприятия.

В целом обращение к «постметодологии» зачастую наталкивается на негативное, скептическое отношение многих российских и зарубежных историков⁸. По их мнению, часто обоснованному, это приводит к голословности и алогическим спекуляциям⁹ и нефундированности выводов. Такой негативизм зачастую укоренен в неприятии постмодерна как исторической эпохи. Представляется, что уход от волюнтаристского конструирования прошлого дискурсивными практиками должен осуществляться за счет привязки его к социальному контексту. В случае изучения, по выражению М. Фуко, словесных следов, оставляемых после себя отдельным индивидом¹⁰, таким контекстом является политический, экономический, социальный и общекультурный фон эпохи. Однако в целом изучение интеллектуального ландшафта той или иной эпохи невозможно без полидисциплинарности. Интерпретация выводов, сделанных в ходе такого исследования, должна опираться на теории смежных социогуманитарных наук.

¹ *Агирре Рохас К. А.* Господствующие культуры и культуры подчиненные: диалог и конфликт // Диалог со временем: Альм. интеллектуальной истории. М., 2004. Вып. 13. С. 43—45.

² См.: *Baker K. M. Ideologische Ursprünge der Französischen Revolution // Geschichte schreiben in der Postmoderne / Hrsg. Chr. Conrad und M. Kessel. Stuttgart, 1994. S. 251–254.*

³ *Фуко М. Археология знания / Пер. с франц. М. Б. Раковой, А. Ю. Себрянниковой. СПб., 2004. С. 416.*

⁴ *Beck U., VonЯ W., Lau Ch. Theorie reflexiver Modernisierung – Fragestellungen, Hypothesen, Forschungsprogramme // Die Modernisierung der Moderne / Hrsg. U. Beck, W. VonЯ Fr./M., 2001. S. 11–63.*

⁵ *Фуко М. Интеллектуалы и власть // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избр. полит. ст., выступления и интервью / Пер. с франц. С. Ч. Офертаса. М., 2002. С. 67.*

⁶ Изучая этот период, нельзя забывать о новых медиа, таких как фотография, фильм, радиообращения.

⁷ *Дарнтон Р. Великое кошащее побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. М., 2002. С. 9.*

⁸ «Новая волна агностицизма и скептицизма с гордым названием “постмодернизм” уже более десяти лет захватывает умы. Соответствующая “деконструкция” постмодернизмом все новых и новых областей “дискурса” сходна по своему воздействию на социальную науку и философию с действием бубонной чумы на захваченные ею города и села». — *Розов Н. С. Философия и теория истории. Кн. 1: Прологомены. М., 2002. С. 614.*

⁹ См.: Там же. С. 615.

¹⁰ *Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.*

А. Г. Айрапетов

Карл Манхейм об изучении феномена «интеллектуал»

В плане социально-профессиональной стратификации интеллектуал может быть отнесен к интеллигенции, хотя далеко не вся интеллигенция представлена интеллектуалами. Кто он — интеллектуал, каково его социальное положение, как формируется его сознание на ментально-культурном и идейно-теоретическом уровнях? Вокруг этих и некоторых других вопросов строится анализ Карла Манхейма, предпринятый им в начале 1930-х гг. в незавершенном очерке «Проблема интеллигенции: исследование ее роли в прошлом и настоящем».

Прежде всего, следует отметить, что Манхейм не проводит четкого разграничения между понятиями «интеллектуал» и